

1

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать.

2.

Но чувство есть у насъ святое—
Надежда, богъ грядущихъ дней.
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной.
Душа узнать не можетъ вновь.

Къ Кн. Л. Г—ой.

Когда ты холодно внимаешь
Разсказамъ горести чужой,
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящія наряды
Безумно радуютъ тебя,
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно,
Все—даже люди, жизнь и свѣтъ,
Тогда, измученъ воспоминаемъ,
Я говорю душѣ своей:
Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтъ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ—какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
Но для *другихъ*—не рождена.
Такъ! мысль великая хранилась
Въ тебѣ донинѣ, какъ зерно;
Съ тобою въ мірѣ она родилась.
Погибнуть ей не суждено!

Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой,
Когда лежитъ надъ городомъ туманъ,
Когда межъ храмовъ съ гордой простотой,
Какъ царь, бѣлѣетъ башня великанъ?

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполне,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.

Быть можетъ, манить только издали
Оно надежду; получивъ—какъ знать?—
Быть можетъ, я бъ его сталъ презирать;
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? что душа
Не смотреть изъ живыхъ очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть питно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то питно;
И скоро все поглотить, и тогда
Узнаю я спокойствіе; оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
За то безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже—если рабъ страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ; средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горестъ началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшись съ землей,
Навѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшается тайный страхъ.
Есть рай небесный—звѣзды, говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ—и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

Ты слишкомъ для невинности мила,
И слишкомъ ты любезна, чтобы любить!
Полмиру дать ты счастье бъ могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть.
Блаженство намъ не посылаетъ роги
Вдвойнѣ.—Видала ль быстрый ты потокъ?
Брега его цвѣтутъ, тогда какъ дно
Всегда глубоко, холодно и темно.

Къ ***.

О не скрывай! ты плакала объ немъ—
И я его люблю; онъ заслужилъ
Твою слезу, и если бъ былъ врагомъ
Моимъ, то я бъ съ тѣхъ поръ его люблю.
И я бы могъ быть счастливъ; но зачѣмъ
Искать условій счастья въ быломъ!
Нѣтъ! я доволенъ долженъ быть и тѣмъ,
Что зрѣлъ, какъ ты жалѣла о другомъ!